

Доклад 39.**Две российские нации – две «русские идеи»,
две онтологии «русскости»****Андрей Николаевич Окара**Кандидат юридических наук, российский политолог,
политтехнолог, политический философ, эксперт.

Мне кажется, что масштаб той катастрофы, перед которой нынче стоит Россия, сопоставим с масштабом катастрофы в начале XVII века и с катастрофой после Первой мировой войны. И одна из трех составляющих этой катастрофы – это то, что происходит с российским населением сейчас. После 24 числа проект «Русский мир» закрылся окончательно, без каких-либо перспектив быть открытым вновь. И теперь стоит вопрос о том, что будет с русской идеей и русской культурой. Сохранят ли они свой статус, масштаб и свое значение или же выродятся? И будут ли они нести тот груз смыслов, который был раньше, или будут отвергнуты, по крайней мере за пределами России? В самое ближайшее время вопрос будет ставиться так: русская культура и русская идея, увеличили они или уменьшили количество добра и количество зла в мире? И почему русские люди или просто люди, воспитанные на русской культуре и, возможно, являющиеся носителями русской идеи, в критических и пограничных ситуациях ведут себя именно так, а не иначе? И виноваты ли в социальном зле Пушкин, Достоевский, Толстой и далее по списку, или же они просто писали? Вопросы эти, как мне представляется, не риторические, и вот лично я ответа на них не знаю.

Что происходит с населением России? Вот здесь, как мне представляется, есть определенная ясность. И последние турбулентные события ведут к формированию двух политических наций. Точнее, конечно, вопрос дискуссионный – можно ли говорить о том, что в России есть политическая нация, или же речь идет о протонации, то есть о населении, которое не является субъектом, а является лишь материалом? Я думаю, что мы как раз находимся в пограничном состоянии, на переходе того, что вряд ли можно назвать нацией, к состоянию нации, но ситуация такова, что в России есть предпосылки, и вполне очевидные, для

формирования именно двух наций. То есть нация, я подчеркиваю, это не этническая общность, а политическая общность. Нация – это всегда политическая нация, то есть сообщество людей, объединенных не общим прошлым, а общим будущим, общим видением будущего. И речь тут не идет об этническом, культурном, языковом и прочем детерминизме. В каждой из тех протонаций, которые формируются в России, как мне представляется, есть люди самых разных происхождений и вероисповеданий. И, по моим наблюдениям (может быть, сугубо эмпирическим), количество этнических великороссов, количество этнических армян, грузин, азербайджанцев, евреев, ощущающих себя россиянами, в обеих этих политических протонациях примерно сопоставимо, а может быть, даже совершенно одинаково. И проблема как раз в том, что эти сообщества формируются как сообщества с различными, часто взаимоисключающими, ценностями, культурными и политическими установками, моделями реальности, типами рациональности, представлениями о будущем, с различным отношением к государству, политической культуре и политической системе России. И представляется также, что у этих двух российских политических протонаций существует различное представление о русской идее и различные ее формулировки. Может быть, можно даже говорить о двух разных дискурсах русской идеи, один из которых проявлен и достаточно очевиден, а второй – очень очень загадочен.

В истории России мы видим немало примеров идейного, идеологического, мировоззренческого и концептуального противостояния. Вспомним нестяжателей и иосифлян. Хотя большинство историков философии сходятся на том, что это не оппозиция никакая, просто две разные концепции, которые не были друг другу антагонистичными. Потом старообрядцы и никониане, тут антагонизм известен. Противники и сторонники реформ Петра Первого, потом славянофилы и западники, потом лоялисты и диссиденты, сейчас – либералы (в кавычках) и патриоты (тоже в кавычках). Однако эти иные ценности, точнее, эти противостояния не дали основания считать, что их носители относятся к разным политическим нациям. Более серьезный и непреодолимый раскол наметился между красными и белыми в ходе Гражданской войны, но даже о них говорить как о двух политических нациях или протонациях, наверное, было бы преувеличением. И лишь сейчас, в современном постиндустриальном мире, появляются основания говорить о том, что в России мы видим две нации или две протонации.

И такой триггерной точкой стал, конечно, 2022 год. Главный водораздел, как я сказал, проходит по социально-политическим, культур-

ным... нет, это уже, наверное, второстепенно, что происходит раздел по социально-политическим, культурным и идеологическим представлениям. А главный, наверное, все-таки по онтологии, по представлениям о бытии. Но мы видим, что реперными точками различий могут считаться отношения, например, к таким категориям и таким реальностям, как, во-первых, отношение к империи. Для одних абсолютной духовной очевидностью является то, что Россия может быть только империей или только империей специфического, неевропейского типа. И конечно, в обоснование этого тезиса говорится о географическом детерминизме, то есть такое огромное пространство не может быть управляемо иначе, кроме как при помощи такого типа государства. Для других очевидностью, то есть абсолютной онтологической истиной, является то, что Россия должна строиться как угодно иначе, только не как империя. Во-вторых, разное отношение к злу, социальному злу. Для одних зло имеет трансцендентное происхождение, для других – имманентное.

В общем-то, в русской культуре мы видим очень специфическое отношение к жизни, которое, наверное, отличается от представления о жизни как в других славянских культурах, так и в западноевропейских культурах. То есть для кого-то жизнь – это ценность, для других жизнь – весьма эфемерная относительная ценность, и смерть за други своя является высшим благом. Конечно, таким маркером различия между этими двумя политическими протонациями в последние месяцы стало отношение к СВО – для одних абсолютно очевидно, что это есть благо, для других очевидно, абсолютно очевидно, что это есть зло. Разное понимание роли России в такой истории Евразии: для одних Россия скорее палач, для других Россия – это жертва.

Очень важным, принципиально важным маркером является отношение к социальной солидарности. Если вспомнить деление социальной солидарности на органическую и механическую, то здесь как раз она очень четко прослеживается: для одних органическая солидарность, то есть солидарность как кооперация, как взаимодополнение, для других механическая солидарность, то есть солидарность, основанная на том, что не все в чем-то разные, а все в чем-то едины.

Дальше, разное отношение к политической власти. Для одних абсолютно естественным и органическим является моносубъектный формат власти в государстве, для других – полиархия. Соответственно, для первых политическая борьба есть зло, есть западное, негативное, недружественное влияние на российскую политическую реальность, политические партии есть также зло; для других нормальная ситуация – это

полиархия, когда власть не концентрируется в одних руках или в руках одного субъекта, есть какая-то политическая борьба и конкуренция.

Дальше, отношение к праву. Для одних это фикция и условность, это называется в философии права алегализм, для других право является ценностью и основным социальным регулятором. Если вспомнить характеристики Макса Вебера, то для одной политической протонации естественным является харизматическая легитимность верховной власти, для других естественна рациональная легитимность власти. Отношение к победе 1945 года: одни склонны разделять и одобрять те практики, те культы и ту гражданскую религию Победы, которая была сформирована в последние лет десять-пятнадцать, для других отношение к войне, наверное, описывается моделью народной войны, то есть Великая Отечественная война как народная. Дальше, принципиально разное отношение к времени, в одном случае мы видим культ прошлого, в другом культ будущего.

Теперь как формулируется русская идея для одних и для других. Мы видим, что одни хорошо воспринимают те традиционные и памятные нам с XIX и начала XX века формулировки русской идеи, которые были представлены в русской философии и в русской культуре, и язык описания русской идеи такого вида – это язык поэтический и метафорический, но не рациональный и не терминологический. Вот те представления о русской идее и те концепты, которые даны в классике этого вопроса, начиная от славянофилов, Достоевского, Соловьева, они, наверное, требуют сейчас для современного человека перевода на современный концептуальный язык социогуманитарных наук. Насколько это возможно, конечно, сложный вопрос, но мы видим, в чем может быть принципиальное различие в отношении к русской идее у одной российской протонации и другой.

Мы видим, что достаточно эффективно концепты русской идеи используются для того, что политология называет «гражданское неучастие», то есть такие категории, как соборность, софийность, симфонизм, всеединство, всемирная отзывчивость – это очень интересные и красивые поэтические метафоры. Если говорить о них как о категориях онтологии, то это в той или иной степени адекватные попытки русского или русского описания сложной онтологии. Но для современной социальной философии, для современного описания общественной реальности эти категории остаются не просто метафорами, они переходят в разряд политтехнологий, они переходят в разряд таких мыслевирусов, которые достаточно эффективно работают на дело такого гражданского неучастия. То есть, иначе говоря, русская идея в классическом

виде в большинстве классических формулировок идеально подходит под то, что в теории официальной народности называется народность. То есть православие, самодержавие, народность. Народность – это определенный общественный договор между государством и населением, государством и подданными о политическом неучастии подданных в общественной и государственной жизни или об участии в этой жизни в формате теории и практики малых дел. И, наверное, один из наиболее важных вопросов для исследователей русской идеи – вопрос о том, возможно ли классику русской идеи перевести на язык современной социогуманитарной науки, это во-первых. Во-вторых, для практиков и для генераторов русской идеи возникает сложный вопрос, и вот для той части России, для той российской политической нации, основой которой можно считать тех, кого Владислав Сурков назвал глубинным народом, так вот для этой части России, наверное, вполне подходит тот метафорический и поэтический язык описания русской идеи, русской историософии, который мы знаем.

Возникает практический вопрос, уже для практиков русской идеи: есть ли адекватный концептуальный аппарат и есть ли язык описания для русской идеи, который может быть актуален для той части России, которую можно назвать второй российской политической нацией, или же для этой части России актуален лишь язык и концепт под названием «идея новой России»? Русская идея и идея новой России – это как раз две большие разницы, и вопрос заключается в том, возможна ли вторая русская идея для этой активной части общества или же она невозможна.

И мне представляется, что тот дискурс русской идеи, который сейчас является доминирующим, действительно идеально подходит для такого патерналистского типа общества. Он подходит в качестве эффективной идеологии и эффективной пропаганды, которая может это общество ублажать и создавать ему эффективную иллюзию реальности, но вряд ли этот тип национальной идеи, вернее, русской идеи совместим с теми вызовами, которые перед Россией стоят сейчас, по крайней мере так, как мне эти вызовы представляются.

Дмитрий, может быть, вы мне зададите три вопроса, я тогда просто продолжу эту тему в формате трех вопросов.

– Хорошо, большое спасибо, Андрей. У меня, если вы позволите, до трех вопросов есть еще вопрос, который мы хотим вынести на голосование. Мы говорим об онтологии, говорим о русской идее в рамках онтологии. Я бы мог вообще, наверное, спросить так: русскость и русское для вас что?

– Я думаю, что существует несколько пониманий русскости и русского, и проблема этого слова заключается в том, что оно с размытым смысловым горизонтом. Что это значит? Это значит, что слово «русский» является в определенной ситуации политонимом и обозначает политическую общность. Помните, «Легендарный Севастополь – город русских моряков»? В этом контексте слово «русский» обозначает не тех людей, у которых при советской власти в пятой графе было написано «русский», то есть великоросс, а политическую нацию, как бы «советский русский». В другой ситуации это слово является этнонимом, и получается, что русский – это великоросс. В третьей ситуации, особенно в концепте русского мира, оказывается, что русские – это восточные славяне, то есть это великороссы, украинцы и белорусы. Из-за того, что у этого слова и у этого понятия размытое смысловое поле, его можно использовать в разных ситуациях с разным значением, чем многие люди и пользуются. И поэтому для меня тоже это слово имеет разное значение в зависимости от контекста. В каком-то случае русский – это великоросс, в каком-то случае это россиянин, в каком-то случае это советский человек, в каком-то случае, особенно если иметь в виду XIX век, под русскими понимаются именно восточные славяне, то есть великороссы, украинцы и белорусы. Для меня это такие варианты из прошлого.

Теперь вопрос в том, есть ли варианты для русскости в будущем и что они будут означать. Я думаю, что русскость в будущем, скажем, онтология русскости будет меняться и семантическое поле этого слова тоже будет сокращаться от универсального к конкретному. И русская идея будет постепенно превращаться в русскую национальную идею. Классики XIX и первой половины XX века мыслили, что русская идея – идея некоего миростроения, в основе которой лежит восточнославянское и православное понимание эсхатологии и бытия как такового. Теперь русская идея постепенно трансформируется и будет трансформироваться в будущем еще большими темпами в русскую национальную, то есть идею русской нации. В чем принципиальная разница? Например, если вспомним развитие национальной идеи в Белоруссии, к примеру, то белорусская национальная идея как раз основана на том, что это идея о том, как должен существовать белорусский народ, белорусское государство, белорусская культура и как должно существовать это, пользуясь словом Бенедикта Андерсона, воображаемое сообщество, оно должно существовать так же. Вот и русская идея, которая претендовала на мировую универсальность, будет перерождаться постепенно в идею воображаемого сообщества, в идею политической

нации, которая будет, наверное, существовать в несколько иных условиях в будущем, чем это происходит сейчас. И, как мне представляется, таких процессов будет два. И один из них будет русской идеей тех, кто не стремится к политическому участию, и будет русская идея или же идея новой России тех, кто стремится к политическому участию, и тех, кто, так или иначе, не хочет отождествлять себя с первой политической нацией, о которой я сказал. Резюмируя сказанное, я думаю, что русскость будет названием политической нации или двух политических наций, но не мирового универсального проекта и не порожденной таким проектом идентичности.

– Большое спасибо. Теперь попробуем перейти к трем вопросам, которые мы традиционно задаем участникам. Итак, вопрос первый. Какая философия или философская концепция будет доминировать в России к 2045 году?

– Я не исключаю, что в России 2045 года преподавание философии будет запрещено, как при Николае Первом, когда на всю империю остался лишь один философ по имени Памфил Юркевич. И тем не менее, одной из главных тем в общественной рефлексии, мне представляется, будут темы покаяния, ответственности, вины и, может быть, духовного преображения России, и в целом этот духовный путь будет схож с духовным путем Раскольникова. И, возможно, появятся философы или социальные мыслители типа Ханны Арендт и Ясперса, я думаю так.

– Спасибо. Второй вопрос. Каково будет пространственное влияние русской философии к 2045 году, географическое?

– Некоторые русские философы, которых мы считаем классиками, возможно, в некоторых своих трудах станут общемировым наследием и будут известны во всем мире, как то: Соловьев, Сергей Булгаков, Павел Флоренский и то, что называется паламитский синтез, то есть вплоть до Сергея Сергеевича Хоружего. Эта тема может стать актуальной и для неправославного мира. В общем-то, Иоанн Павел Второй в его энциклике говорил, что Европа должна дышать двумя легкими, и одно из них – это восточное христианство. И возможно, что к мировому достоянию будут причислены также некоторые идеи Владимира Вернадского и Сергея Подолинского. И конечно, в чем сомнений нет, как философ будет почитаем Лев Толстой; Достоевский – сомневаюсь, но как философствующие писатели, несмотря на cancel culture (культуру отмены), которая, похоже, может быть весьма травматичной для русской культуры и русской идеи в мире, и Достоевский и Толстой останутся актуальными. А ареалом вообще русской философии, русской

мысли, я думаю, будет европейская часть нынешней России. Причем по поводу Калининградской области у меня нет понимания.

– Большое спасибо. Третий вопрос. Кто носитель русской идеи?

– Очень интересно и грамотно сформулированный вопрос. Мне кажется, что носители русской идеи – это часть индоктринированной российской интеллигенции, но не народ, не государство; по поводу церкви сложно сказать, но та часть церкви, которая исповедует этнофилетизм, несомненно, тоже носитель русской идеи. Что касается народа, у народа есть система этических и историософских представлений, которые пересекаются с русской идеей. В чем принципиальная разница? В русской идее есть все-таки представление об особой миссии России и русского народа, но оно формулируется, прежде всего, как особая ответственность перед бытием и перед Господом. Тогда как русский народ, если под народом мы понимаем внеэлитные сообщества, берет из этого багажа представления не об особой ответственности, а об особых правах Мы русские, значит, мы лучшие, мы русские, значит, нам все позволено. И советское государство после 1945 года весьма способствовало этому процессу. Ну и мы видим, что несколько разных мессианских представлений о России и русском народе сейчас как-то кристаллизовались в сознании современного российского населения. Тут есть и представления из классической русской идеи и из сталинской русской идеи, и все вместе это дало тот феномен, который, наверное, сейчас доминирует в сознании внеэлитных групп в России. При этом мы должны также понимать, что эти представления очень хорошо соединены с представлениями о такой бластной, прибластной культуре, которые также очень актуальны для внеэлитных сообществ в России и т. д.

Значит, чем принципиально не является русская идея? Она не является государственной идеологией. У государства своя логика. Третий Рим, с одной стороны, с другой стороны, святая Русь, с одной стороны, православие, самодержавие, народность, с другой стороны, или мир, труд, май, или любовь, комсомол и весна. Но русская идея – это то, что порождено интеллигенцией, то, что сделано не по просьбе или не с подачи государства. Если мы вспомним XIX век, то вспомним, что те же славянофилы, Киреевский и Хомяков, с трудом вписывались в формат такой официальный народности, государственной идеологии. Журнал Киреевского был закрыт цензурой, по-моему, на третьем или на втором номере. И, в общем-то, получается, что русскую идею в классическом виде порождает интеллигенция, но государство достаточно эффективно использует ее для подавления гражданской активности в широких

народных массах, то есть использует ее как часть того условного общественного договора, если это словосочетание уместно, между государством и народом. Русская идея, тем не менее, воздействует на политику, но в той мере, в которой она воздействует на политиков как часть народа, а не интеллигенции. В общем-то, русская идея в классическом виде достаточно эффективна для государства, потому что в ней концептуализируются и идеологизируются базовые для российской политической системы принципы, которые наделяют народ воображаемой миссией, но при этом лишают реальной политической субъектности. Поэтому если говорить о современном состоянии дискурса о русской идее, то, мне кажется, существенным вопросом является вопрос о том, возможна ли русская идея, устремленная в будущее, возможна ли русская идея, которой предусматривается гражданское участие, которой предусматривается республика как соборное делание граждан государства, возможна политическая конкуренция и т. д. Но при этом опять-таки речь идет не просто о какой-то политической программе, а именно о такой части русского философского мировоззрения и русской философской культуры, которая основана на представлении о логосе, но не только на Западном рации, пожалуй, так.

– Большое спасибо за обстоятельный ответ. У нас есть много вопросов из чата. Вопрос Николая: как вы думаете, русский мир сейчас может быть привлекательным для мира?

– Тут даже я никак не думаю, потому что можно думать в каких-то вопросах, которые допускают диапазон толкований. На данный момент тема русского мира закрыта, причем само словосочетание «русский мир» имело, по моим подсчетам, четыре разных толкования, и наиболее актуальная – концепция, политтехнология власти, которая была создана для того, чтобы политическим образом российское государство могло воздействовать на Беларусь и на Украину. То есть создание такого воображаемого культурно-политического пространства, в котором Украина и Беларусь становились бы частью того политического пространства, центр которого находится в Кремле. Этот год эту концепцию окончательно уничтожил. Возможно ли ее возрождение в будущем? Думаю, при нашей жизни нет, а когда мы умрем, все возможно, но, видимо, тогда уже будет совсем другое понимание политической и культурной реальности, в этом не будет никакого смысла. Но 24 числа тема закрыта окончательно.

– Спасибо. Следующий вопрос. Как расценить человека в составе нации, который придерживается лишь некоторых черт этой философии, а другие отвергает, ведь люди разные, нельзя быть на сто процен-

тов уверенным в приверженности этому течению? Какое течение имеется в виду, в вопросе не уточняется.

– Есть теория воображаемых сообществ, когда нация – воображаемое сообщество, когда мы не можем знать любого члена этого сообщества. Вот членов реального сообщества мы знаем, наш какой-то коллектив, наша семья, мы все друг друга хорошо знаем. Воображаемое сообщество – то, в котором мы не знаем абсолютное большинство людей, но мы по четким признакам понимаем, что это член нашего большого какого-то ареала обитания. По каким-то чертам, как то: культура, внешность, биология, язык, стереотипы поведения – мы понимаем, что это русский человек, а это другой человек. Поэтому здесь, наверное, не надо придерживаться обязательно каких-то установок, просто есть определенные факторы идентичности, которые действуют таким образом, что ты можешь вообще о них ничего не думать, но ты интуитивно понимаешь: это твой ареал существования, это не твой ареал существования.

– Спасибо. Илья Коноплев спрашивает: «Идеи русского анархизма, идеи Бакунина, Кропоткина, актуальны ли они сейчас и будут ли актуальны в будущем?»

– Кстати, вот большое спасибо. Когда я говорил о том, кто может быть актуален для мира из русских мыслителей, мог бы сказать, что, конечно же, и Бакунин, и Кропоткин могут быть очень актуальными. Мне кажется, время этих мыслителей приходит в России именно сейчас, может быть, даже не прямо сейчас, через год или через полтора года это будут очень востребованные мыслители и теории. Почему? Потому что идеи анархизма основаны как раз на идее горизонтальной интеграции, а не иерархии. И поэтому, когда в России будут создаваться структуры горизонтальной интеграции, когда будет создаваться самоуправление, когда будут создаваться какие-то независимые от государства сообщества, то и тот и другой вообще станут очень-очень важными мыслителями для России. А, допустим, идеи Кропоткина, его известная книга о взаимопомощи, то есть фактически о кооперации, о переходе к органической солидарности, я думаю, станет одной из очень-очень важных книг и важных идей для России в ближайшем будущем. Я говорил о двух политических протонациях, как раз переход к состоянию нации связан, прежде всего, с горизонтальной интеграцией, и это как раз поле мысли Бакунина, Кропоткина, может быть, Нестора Махно как практика, может быть, Вернадского тоже.